

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Vestnik drevney istorii
82/4 (2022), 958–967
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/4 (2022), 958–967
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910013544-1

Л.Л. КОФАНОВ. Система римского публичного права эпохи Республики и Принципата. М.: Индрик, 2020. 600 с., ил. ISBN 978-5-91674-565-8

Предпринятая автором рецензируемой книги (изданной при финансовой поддержке РФФИ) попытка рассмотреть в одном томе, пусть и довольно объемном, систему римского публичного права эпохи Республики и Принципата может показаться слишком смелой. Это не так: название книги¹ на самом деле не отражает ее содержания, и Л.Л. Кофанов не дает комплексного анализа всей системы римского *ius publicum*, а рассматривает с разной степенью детализации лишь отдельные его разделы, так что книга по большому счету распадается на ряд самостоятельных очерков. Данное обстоятельство легко объяснить, ибо значительная часть монографии состоит из уже опубликованных статей автора². Видимо, именно в этом следует искать причину многочисленных повторов одних и тех же мыслей, рассуждений и аргументов. Отдельные фрагменты текста не только в разных частях книги, но иногда даже в рамках одной главы совпадают дословно (например, на с. 15 и 27; 16 и 160; 17 и 138–139; 168 и 234).

Введение открывается разделом «Система римского публичного права по Моммзену» (с. 11–22), который в оглавлении имеет другое название («Государственное право Рима в интерпретации Т. Моммзена»). Возможно, эта путаница не случайна. Создается впечатление, что Кофанов не отличает публичное право (*öffentliches Recht*) от государственного (*Staatsrecht*) и в дальнейшем неоднократно смешивает эти два понятия, используя их практически как синонимы (см., например, с. 22). Между тем в немецкой юриспруденции второе традиционно рассматривается как один из разделов первого³. Поэтому претензии, предъявляемые Кофановым Т. Моммзену, — например, упрек в том, что немецкий ученый оставил без внимания сакральное право (с. 12), — выглядят необоснованными и некорректными (во всех смыслах этого слова). Вопреки мнению Кофанова, в «*Römisches Staatsrecht*» Моммзен не намеревался изложить всю систему римского публичного права: как понятно из названия, этот труд посвящен исключительно государственному праву Рима. Причины, по которым немецкий ученый ограничился рассмотрением только «*tömische Staatsverfassung*», внятно изложены им самим в предисловии⁴. Разумеется, Моммзен пользуется юридической терминологией своего времени и его разделение права на области не совпадает с римским, однако такой подход имеет право на существование. Интересно, что в разделе, который называется «Система римского публичного права по Моммзену», собственно о взглядах Моммзена на римское *ius publicum* говорится очень мало, так что ясного и целостно-

Рецензия подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований: проект РФФИ № 19-09-00183 («Судебный процесс в античности: юридические, политические, социальные и личностные аспекты»).

¹ Необычно звучит латинский перевод названия книги, размещенный на титульном листе: *ΣΥΣΤΗΜΑ iuris Romani publici temporum rei publicae principatusque*. Более удачным все-таки представляется вариант: *De disciplina iuris publici Romani temporibus liberae rei publicae et principatus*.

² Например, гл. 3, ч. 1 (с. 135–160) повторяет статью Кофанов 2007, гл. 3, ч. 2 (с. 237–257) — статью Кофанов 2008b, гл. 6, ч. 4 (с. 485–512) — статью Кофанов 2017, гл. 8, ч. 4 (с. 538–550) — статью Кофанов 2015 и т.д. Кое-где, как, например, на с. 257, Кофанов по небрежности сам называет свою главу «статьей». Ссылки на то, что эти части текста уже были опубликованы в том же самом (или почти том же самом) виде, в книге нет.

³ См., например, Magen 1985, 3–4.

⁴ Mommsen 1887, vii–xiii. Далее Моммзен подробно объясняет, что именно римляне понимали под *ius publicum* и в чем состоит разница между их и его подходом (*ibid.*, 3–5).

го представления о них получить невозможно, а ссылок на работы немецкого ученого в тексте почти нет. Слишком смело звучит также следующее утверждение Кофанова: «Может быть, благодаря именно этой отчасти ошибочной системе моммзеновского публичного права мы сегодня имеем в качестве современной модели европейского публичного права скорее право магистратов, то есть бюрократов, нежели право, регламентирующее вещные права граждан на государственную собственность?» (с. 19). При всей авторитетности Моммзена в научном мире едва ли следует приписывать ему столь сильное и пагубное влияние на современное европейское право, не говоря уже о том, что называть римских магистратов бюрократами или, как в другом месте (с. 20), «чиновниками» можно только при понимании основ устройства римской *civitas*, сильно отличающемся от общепринятого.

В отличие от Моммзена, Кофанов в своем труде полностью следует иной трактовке *ius publicum*, которое, по его мнению, римляне в период Республики и Ранней империи так же, как и *ius privatum*, подразделяли на лица, вещи и иски. Эта теория основывается главным образом на одном пассаже из «Институций» Гая (I. 8), которые, как известно, датируются отнюдь не республиканской эпохой, а второй половиной II в.н.э. Такое деление всего права на относящееся к лицам, вещам или искам у предшествующих римских юристов не встречается, поэтому нельзя исключать того, что оно было предложено самим Гаем⁵. Что касается источников собственно республиканского времени, то Кофанов предполагает, что в утраченной части сочинения Цицерона «О законах», «первые два раздела которого посвящены праву жертвоприношений, жрецов и магистратов», могло описываться «разделение всех вещей на *res publica* и *res privata*» (с. 13–14). Далее автор ссылается на «различные прочие фрагменты сочинений Цицерона» (не уточняя, какие именно), из которых ему «совершенно ясно, что он (Цицерон. — В.Х.) связывал традиционное римское деление на *ius publicum* и *ius privatum* с разделением компетенции судов по публичным и частным делам соответственно, в отношении частного и публичного имущества» (с. 14). На с. 22 Кофанов пишет, что, «как уже отмечалось выше, в последних книгах трактата (*De legibus*. — В.Х.) Цицерон описывал конкретные как публичные, так и частные права римских граждан», т.е. теперь автор подает свое высказанное ранее предположение как твердо установленный факт. В качестве доказательства Кофанов указывает также на параллели из муниципальных законов: ведь, по его мнению, образцом для «права, предоставляемого союзникам в IV—III вв. до н.э.», «были Законы XII таблиц в обработке римских преторов» (с. 16). Даже если принять это предположение, необходимо отметить, что все дошедшие до нас муниципальные законы датируются гораздо более поздним временем (I в. до н.э. — I в.н.э.), и насколько их структура ориентируется на Законы XII таблиц (а их подлинный текст, напомним, до нашего времени не дошел, так что о структуре самого этого памятника мы имеем лишь приблизительное представление) — отдельный большой вопрос, который заслуживает гораздо более детального обсуждения⁶. Кофанов также пытается показать, что «система деления по лицам, вещам и искам» была свойственна и ораторскому искусству позднереспубликанского времени (с. 32–36), и «вообще всей “науке о божественных и человеческих делах”, как в древности римляне называли <...> всякое философское знание» (с. 36–40), для чего ему снова приходится неоднократно прибегать к недоказуемым предположениям (например, о содержании и структуре сочинения Варрона «Древности дел божественных и человеческих»)⁷. Подводя итог, следует признать, что концепция Кофанова в качестве гипотезы, конечно, имеет право на существование, но она нуждается в гораздо более серьезной аргументации, чем та, которую приводит автор, — тем более, что эта гипотеза положена им в основу изложения материала. Конечно, попытку Кофанова посмотреть на проблему под новым углом зрения следует только приветствовать, и она является безусловным достоинством работы.

⁵ См., например, Zimmermann 1996, 25. Этот вариант Кофанов не рассматривает и не обсуждает.

⁶ Кофанов ограничивается указанием на то, что «многие нормы Законов XII таблиц повторяются в известных нам муниципальных законах» (с. 16–17 и 160 со ссылками на три статьи из *lex Ursonensis*), но отдельные заимствования ничего не доказывают.

⁷ Встречаются здесь и спорные утверждения — например, о том, что у Цицерона есть учебные пособия по судебному красноречию (с. 34; автор, к сожалению, не указывает, какие именно труды он имеет в виду).

Одинаково подробно рассмотреть все разделы рецензируемого труда в ограниченных рамках рецензии невозможно⁸, поэтому я остановлюсь лишь на некоторых наиболее оригинальных и вместе с тем дискуссионных частях монографии, отдавая предпочтение тем из них, которые ранее не публиковались в виде отдельных статей в других изданиях. Итак, в соответствии со своей концепцией Кофанов выстраивает книгу следующим образом. В ч. 1 «Лица» (с. 45–172) рассматриваются термины *persona* и *persona publica*, власть магистратов, сената и народа, понятия *ciuitas* и *municipium* и, наконец, соотношение понятий *ciuitas* и *res publica*. В главе 1 (с. 45–84) автор высказывает точку зрения, что юридическое понятие *persona* (и связанные с ним понятия *persona sui iuris* и *persona alieni iuris*) существовало уже в архаическом римском праве. В подтверждение этого тезиса на с. 45–50 Кофанов подробно исследует происхождение слова *persōna* (ссылаясь на большое количество работ, среди которых нет ни одного этимологического словаря). Отвергая господствующее в историографии мнение о греческих корнях этого слова, он вслед за грамматиком I в. до н.э. Гавием Бассом (*apud Gell. V. 7*) производит *persōna* от глагола *persōnare*, но не обращает внимания на то, что в первом слове звук *o* — долгий, а во втором — краткий (эта деталь, кстати, не укрылась от Авла Геллия, который в меру лингвистических познаний своего времени попытался дать ей объяснение). Кроме того, на с. 47 (прим. 7) Кофанов приводит свидетельство Феста, которое в его переводе выглядит так: «Некое выражение “звучащая басня” записано у Невия, так как считают, что когда-то эта басня впервые была исполнена певшими ее актерами. Однако, поскольку лишь много лет спустя начали пользоваться комедийными и трагедийными масками, то более вероятно, что такая басня из-за недостатка комедий стала новым развлечением от Ателлановских комедий, которые собственно и назывались звучащими. Поэтому ателланца не заставляют снимать на сцене маску, что приходится претерпевать прочим актерам»⁹. Этот перевод может показаться безупречным с точки зрения русского языка, но главное, он не совсем корректно передает смысл оригинала: слово *personatus* не имело ни значения «звучащий», ни — тем более — «певший»¹⁰; переводить в данном контексте *fabula* как «басня», а не «пьеса» едва ли оправданно; *comœdus* автор по небрежности спутал с *comœdia*¹¹; где у Феста стоит слово «развлечение», неясно, и т.д.¹² На солидном фундаменте этих аргументов Кофанов возводит впечатляющее читателя размахом мысли здание своих дальнейших рассуждений: большинство исследователей ошибаются, полагая, что древнейшим значением слова *persona* было «театральная маска»; отсюда они делают неверный вывод, что юридическое значение этого термина появилось не ранее II в. до н.э. (с. 47–48); на самом деле юридический термин *persona* ведет свое происхож-

⁸ Тем более что некоторые из высказанных в них идей уже детально обсуждались на страницах ВДИ (см. Smyshlyaev 2014; 2016).

⁹ Fest. 238 L: *Personata fabula quaedam Naeui inscribitur, quam putant quidam primum <actam> a personatis histrionibus. Sed cum post multos annos comoedi et tragoedi personis uti coeperint, uerisimilius est eam fabulam propter inopiam comoedorum comoedorum nouam apud Atellanos, qui proprie uocantur personati; quia ius est is non cogi in scena ponere personam, quod ceteris histrionibus pati necesse est.*

¹⁰ См., например, OLD1356–1357; TLL X. 1732. В другом месте (с. 50) Кофанов развивает свою смелую мысль: «Невий, живший в III в. до н.э., использует глагольное причастие *personatus* именно в значении “звучащий” или “поющий”». По этому поводу можно заметить следующее. Во-первых, *personatus* — это прилагательное. Во-вторых, причастие (отглагольная часть речи или, по мнению некоторых филологов, особая неспрягаемая форма глагола) не может быть «глагольным», это тавтология (ср. Kofanov 2008a, 321: «отглагольное причастие прошедшего времени *captus*»). В-третьих, *part. perf.* мужского рода от *personare* — это *personitus*, а не *personatus*. Наконец, в-четвертых, латинское *part. perf.*, образованное не от отложительного глагола, имеет пассивное значение. Прилагательное *persōnus* («звучащий», «оглашаемый») тоже не может служить «прямым подтверждением именно такой этимологии» (там же) слова *persōnatus*.

¹¹ Возможно, конечно, что дело здесь — если воспользоваться элегантно выраженным само Кофанова (Kofanov 2008a, 321) — в «чисто глазной ошибке».

¹² Мой перевод: «Одна пьеса Невия называется *Personata*; некоторые полагают, что это была первая пьеса, которую играли актеры в масках. Но так как комические и трагические актеры стали использовать маски лишь много лет спустя, более вероятно, что эту новую пьесу из-за нехватки комических актеров играли актеры ателланы, которых называют *personati* («носящими маски») в собственном смысле этого слова: ведь их нельзя заставлять снимать на сцене маски, в то время как прочие актеры обязаны это делать».

дение от «религиозных масок древнейших культов» (с. 51–56); он, несомненно, употреблялся уже в царских законах и Законах XII таблиц¹³ (с. 48).

Небезынтересна также глава 2 (с. 85–134), в которой рассматривается, помимо прочего, такой важный вопрос, как содержание понятия *impegium*, вызывающее в историографии жаркие споры. Жаль только, что эта дискуссия в книге не освещается, а проблема происхождения империя, имеющая ключевое значение для понимания его сущности, не анализируется. Кофанов полагает, что «верховным носителем империя был сам римский народ» (с. 93), однако очень часто проявлялась «тенденция римской элиты узурпировать империй, отобрав его у римского народа» (с. 95). Кроме того, империем обладал и сенат (с. 96–98). Представляется, что сама идея наличия империя не у отдельных лиц, а у народа и сената абсурдна и никак не подтверждается источниками, однако Кофанов принимает ее как аксиому и кладет в основу весьма ответственных суждений. Одной из важнейших черт политической истории V–III вв. до н.э. Кофанов считает борьбу «за верховенство власти либо патрицианского сената, либо простого народа», которая велась с переменным успехом (с. 99). Этот первый период борьбы сената и народа за империй закончился с началом Второй Пунической войны. К середине II в. до н.э. установилось некоторое равновесие власти консулов, сената и народа, о чем пишет в шестой книге своего труда Полибий. Однако уже ко времени начала политической деятельности братьев Гракхов народ начал постепенно терять империй, что было связано с расширением Римской державы, но главное – с обнищанием плебса (с. 100–102). Второй период «переноса *impegium* римского народа к сенату можно связать с законом Кальпурния 149 г. до н.э., когда уголовные дела о злоупотреблениях магистратов были перенесены из суда народа в сенаторский суд так называемых *quaestiones repetituae*» (с. 102). Это утверждение вызывает у читателя некоторое недоумение: ведь далее Кофанов неоднократно указывает, что иски, предъявленные на основании Кальпурниева и последующих Ацилиева и Корнелиева законов *de repetundis*, рассматривались рекуператорами (см., например, с. 319, 542–543), а, по его же словам, рекуператорские суды «носили главным образом характер не уголовной, а гражданской ответственности ответчика, что хорошо видно в характере присуждения к уплате денежного штрафа» (с. 244–245). Кроме того, в сфере действия Кальпурниева закона попадали не все вообще злоупотребления магистратов, но лишь вымогательство наместников провинций; такие дела и раньше рассматривались не судом народа, а специально созданными сенатскими комиссиями, так что говорить о каком-либо «переносе» как будто бы нет оснований. В I в. до н.э., по мнению Кофанова, из-за «драматических событий союзнической и гражданских войн, борьбы оптиматов и популяров, нередко для эффективности политических решений требовалась демонстрация совместной консолидированной власти римского сената и народа» (с. 102). Наконец, Август «перенес на себя лицо римского народа» (?) и в Риме установилась монархическая форма правления, хотя «ментально римляне еще очень долгое время воспринимали римскую высшую власть над народами Средиземноморья как “империй римского народа”» (с. 103).

Далее Кофанов подробно разбирает вопрос об обязанностях магистратов, сената и народа (с. 104–121). В частности, с его точки зрения, «сенат контролировал <...> управление магистратами государственным имуществом, так называемыми *curiae publicae*» (с. 115), что и составляло «суть управления сенатом государством» (с. 116). В качестве одного из главных доказательств автор приводит свидетельство Феста – как обычно, в собственном переводе: «Курия – это место, где руководили публичными попечительствами»¹⁴. Почему автор в данном случае понимает *curiae publicae* как «публичные попечительства», к сожалению, не объясняется, примеры такого употребления этого выражения в других источниках не приводятся. В то же время, по мнению Кофанова, «народ в своей совокупности в лице плебейских трибунов мог потребовать от магистратов и кураторов отчета в своей деятельности по управлению государственным, то есть народным имуществом», и римляне считали очень важным, чтобы «все виды власти дости-

¹³ К сожалению, никаких ссылок на источники, которые могли бы обосновать это небанальное утверждение, Кофанов здесь не дает. Насколько мне известно, в сохранившихся фрагментах Законов XII таблиц термин *persona* не встречается.

¹⁴ Fest. 42 L: *curia locus est, ubi publicas curas gerebant*. Не могу не отметить, что обычно это место все-таки толкуют несколько иначе; см., например, перевод А.А. Павлова: «*Curia* есть место, где вершились публичные дела» (Pavlov 2012, 237). Ср. французский перевод М. Саванье (Savagner 1846, 81: *CURIA, lieu où l'on discutait les intérêts publics*) и английский перевод К. Смита (Smith 2006, 190, n. 22: *The curia is a place, where public business was conducted*).

гали общего согласия (*consensus*) в вопросах соотношения их прав» (с. 120–121). Вопрос о том, насколько плебейские трибуны в действительности отражали и защищали интересы «народа», не ставится и не обсуждается.

Часть 2 «Вещи» (с. 175–257) посвящена проблемам общественного владения, публичных сервитутов и государственной собственности. Кофанов, в частности, отмечает, что «римляне не имели специального термина, обозначающего только государственную или общенародную собственность, так как они не отличали терминологически это понятие от понятия “государство”, то есть от *res publica*» (с. 209). Вся государственная собственность в римском праве классического периода делилась на общественность, непосредственно использовавшуюся для общественных нужд (*res in publico usu*), и собственность, которая хранилась в эрарии или фиске (*res in respublica populi*). В первом случае государственная собственность напрямую управлялась магистратами (преторами, цензорами, эдилами и др.), однако в этом также «принимал участие весь коллектив граждан своим имуществом и трудом», а «муниципальные и государственные чиновники» за дурное управление порученным их попечению государственным имуществом несли ответственность. Многие граждане получали прибыль от доходов, которые приносила государственная собственность. В результате «римлянам удалось создать <...> эффективную, поистине общенародную систему управления государственной собственностью», следствием чего стало «активное расширение римской власти по всему Средиземноморью» (с. 213–219; каким образом связаны эти два явления, не поясняется).

В ч. 3 «Обязательства» (с. 261–346) исследуются государственные контракты и государственная хлебная торговля. Наконец, в самой большой по объему ч. 4 «Иски» (с. 349–561) рассматриваются проблемы возникновения и развития римского судопроизводства, роль юристов и их *responsa*, так называемая жреческая юриспруденция, вопрос об ответственности несостоятельных должников, а также история римской судебной защиты. В частности, в главе 1 Кофанов разбирает важнейший вопрос о начале разделения римского судопроизводства на публичное и частное. В основном он в общих чертах излагает теорию развития римского уголовного судопроизводства, предложенную Моммзенем, почему-то не упоминая этого автора (с. 349–354)¹⁵. К сожалению, не упомянута и альтернативная теория, созданная В. Кункелем, одним из крупнейших в XX в. знатоков римского государственного и уголовного права¹⁶. Полностью оригинальной в этой главе является, пожалуй, лишь следующая гипотеза Кофанова. Он отмечает, что «решение верховного народного суда оформлялось как “приказ народа” — *iussus populi*». Развивая эту мысль, Кофанов уверенно заявляет: «Известно, что латинские юридические термины *iussus* (приказ) и *ius* (право) — однокорневые». Далее путем длинных рассуждений, опирающихся на это родство (в которых он, правда, смешивает два разных слова, *iussus* и *iustum*), Кофанов приходит к выводу, «что в архаический период эти два термина практически не различались», а значит, «можно говорить о существовании юридического термина *iustus populi*, то есть *ius publicum*, уже в VI–V вв. до н.э.». Так как *ius* обозначает не только «право» или «приказ», но и «суд», в VI–V вв. *ius publicum* обозначало также «суд народа», а значит, и область его компетенции (с. 352–353). К сожалению, гипотеза о родстве *iussus* и *ius* уже высказывалась и была давно отвергнута как не имеющая убедительного лингвистического обоснования¹⁷, так что на сей раз интересная теория Кофанова не подтверждается фактами.

Из последующих глав этой части самой оригинальной представляется глава 8 «Кондикционный иск и кража публичного имущества в республиканском Риме», на содержании которой хотелось бы остановиться подробнее. В первом параграфе Кофанов разбирает определения, которые римские юристы эпохи Империи дают терминам *furtum* и *furtum publicum*. Далее он оговаривает, что в этой главе речь пойдет только о «кражах, совершавшихся римскими магистратами в области международных отношений, в республиканскую эпоху регулировавшихся особыми законами, называвшимися “*leges repetundarum*”, которые обычно не вполне точно

¹⁵ В книге нет ни одной ссылки на моммзеновское “*Römisches Strafrecht*”, где эта теория была изложена в наиболее целостном виде. Впрочем, и на “*Staatsrecht*” Кофанов ссылается нечасто, что выглядит удивительно в свете его критических высказываний в адрес этого сочинения Моммзена, высказанных во введении.

¹⁶ При этом нельзя сказать, что Кофанову эта теория вовсе не известна: в монографии 2006 г. он мельком упоминает о ней (хотя и без ссылки на работы Кункеля: *Kofanov* 2006, 285). В рецензируемом труде Кофанов ссылается на Кункеля только два раза (с. 375, прим. 12 и с. 465, прим. 70).

¹⁷ См., например, *Walde* 1938, 724–725, 733–734; *Ernout, Meillet* 2001, 325–326, 329–330.

называют «законами о взяточничестве»» (с. 539–540)¹⁸. Последнее утверждение не совсем понятно: в русскоязычной историографии¹⁹ давно и прочно закрепился совершенно иной перевод — «законы о вымогательстве».

Соответственно, второй параграф посвящен доказательству очевидного и никем не оспариваемого факта, что *leges repetundarum* в эпоху Республики были направлены в первую очередь против незаконного присвоения магистратами чужой собственности. Для этого Кофанов обращается, однако, не к самому раннему нашему источнику — республиканскому эпитафическому закону *de repetundis* (см. Tab. Vemb. 3: *ablatum captum coactum conciliatum auersumue siet*)²⁰, а к более позднему закону Юлия Цезаря (59 г. до н.э.), текст которого сохранился только в составе «Дигест» (48. 11. 7. 2), а потому содержит интерполяции, относящиеся к эпохе Империи²¹ (о чем автор не упоминает). Происхождению процесса *de repetundis* посвящен третий параграф объемом около одной страницы, в котором Кофанов присоединяется к уже давно высказанному в историографии мнению о том, что оно было «тесно связано с правом фециалов вообще и с древнейшим институтом международного права *regum repetitio* и *iudicium recuperatorium* в частности» (с. 541), не предпринимая никаких самостоятельных изысканий по этому вопросу. В следующем, четвертом параграфе автор почему-то сразу переходит к рассмотрению эпитафического закона *de repetundis*, который он уверенно называет *lex Acilia (Sempronia)* и относит к 122 г., не указывая, что и название этого закона, и его датировка являются предметом реконструкции, а в историографии по этому поводу высказывались и другие гипотезы. Между тем, эпитафическому закону предшествовали еще два *leges repetundarum* — Кальпурниев (149 г. до н.э.), который и учредил первую *quaestio perpetua de repetundis*, и Юниев (Tab. Vemb. 23; 74) — и, как может показаться читателю, логика исследования требует сначала обратиться к анализу именно этих законов, тем более что эпитафический закон ввел совершенно новую процедуру судопроизводства по делам о вымогательстве. Разбирая его содержание, Кофанов весьма поверхностно анализирует текст источника, почти не учитывая существующую историографию. Например, он утверждает, что «согласно этому закону иск к римскому магистрату предъявлялся представителями союзного Риму царя или народа (*regive populove ipsius — Lex Acil. 3*), т.е. речь идет именно о международной тяжбе в *iudicium recuperatorium*» (с. 542). Между тем, цитируемая Кофановым фраза в тексте источника отсутствует — это исполнение Моммзена, к тому же принятое далеко не всеми издателями²². Лучше было бы сослаться на первую рубрику эпитафического закона, в которой и перечисляются лица, имеющие право подавать иск. Однако, так как начало этой рубрики не сохранилось, нельзя утверждать с уверенностью, что в их число не входили римские граждане²³, а потому мнение Кофанова о международном характере процесса *de repetundis* эпитафический закон не подтверждает.

Далее Кофанов пишет: «Затем претором избирались судьи-рекуператоры путем жеребьевки в числе 450 римских всадников (*Lex Acil. 12*)». Однако слово «рекуператоры» в сохранившемся тексте закона нигде не фигурирует, а процедура рекуператорского процесса, насколько она нам известна, существенно отличалась от установленной эпитафическим законом²⁴. Кроме того, о жеребьевке при составлении претором *album iudicum* на текущий год ни в эпитагра-

¹⁸ В примечаниях автор дает ссылки на случайный набор отечественных и иностранных работ, посвященных этим законам, в который не попали труды, имеющие первостепенное значение для исследователя этой темы (например: Venturini 1979; Lintott 1992; Crawford 1996). Естественно, что пропущенные в этом списке работы не используются Кофановым и в дальнейшем изложении.

¹⁹ То же касается и зарубежной историографии на основных европейских языках, хотя там этот термин зачастую вообще оставляют без перевода. Заметим, что сам Кофанов неоднократно пользуется неточным переводом «законы о взяточничестве» (см. с. 9, 64, 456, 478 и т.д.).

²⁰ Большинство исследователей связывает этот закон с деятельностью Г. Гракха и датирует 122 г. до н.э. (см., например, Elster 2020, 119–121 с библиографией).

²¹ См. Berger 1925, 2390.

²² См. *apparatus criticus* в издании М. Кроффорда (Crawford 1996, 75). В других местах Кофанов, цитируя эпитафический закон, неоднократно дает латинский текст по изданию Моммзена, не отделяя сохранившиеся части от восстановленных (см., например, с. 544, прим. 18).

²³ См., например, Venturini 1979, 82–91; Crawford 1996, 95 (с библиографией).

²⁴ См. Frier 1985, 199–212. Например, коллегия рекуператоров обыкновенно состояла из трех, иногда из пяти человек (Frier 1985, 201), но не из пятидесяти, как коллегия присяжных согласно эпитафическому закону.

фическом законе, ни в других источниках не сообщается. Жеребьевка в *quaestiones perpetuae* использовалась только при назначении судей на конкретный процесс, и этот способ формирования судейской коллегии противоположен тому, который предусматривается эпитафическим законом (выбор судей истцом и ответчиком).

Только в шестом параграфе Кофанов, наконец, добрался до Кальпурниева закона *de repetundis*, но и здесь он лишь вскользь упоминает его; сам параграф посвящен *lex Calpurnia de legis actione*, о существовании которого известно исключительно благодаря краткому свидетельству Гая (*Inst. IV. 19*)²⁵. Между тем, *lex Calpurnia de repetundis* заслуживает подробного рассмотрения: в созданной на его основании *quaestio perpetua de repetundis* использовалась процедура *legis actio sacramento* (*Tab. Vemb. 23*)²⁶, а, насколько известно, легисакционный процесс мог быть инициирован только римским гражданином и только от своего имени²⁷. Соответственно, некоторые исследователи²⁸ полагают, что неграждане вообще не имели права подавать иск на основании *lex Calpurnia*: провинциалы, как и прежде, должны были обращаться с жалобами на притеснения и самоуправство римских магистратов в сенат, который мог назначить для расследования дела комиссию рекуператоров и предоставить пострадавшим римским *patroni*. Всё это — достаточное серьезное аргументы против тезиса о международном характере судов *de repetundis*, который отстаивает Кофанов, и они заслуживают детального обсуждения.

Большая часть заключения (с. 562–585) посвящена рецепции отдельных элементов римского публичного права в Европе и особенно в России. Также там содержатся предложения по реформированию российского законодательства и системы судопроизводства с учетом опыта Древнего Рима. Последние, несомненно, представляют большой интерес, написаны в академической манере и основаны на глубоком изучении практики высших судов РФ, но всё же представляется, что эта проблема имеет лишь косвенное отношение к теме книги, поэтому уделять ей столько места в заключении не очень разумно. Собственно выводы по итогам работы занимают полторы страницы (с. 585–586) и, в общем, повторяют то, что было сказано в отдельных главах.

Итак, самые важные достоинства и сильные стороны книги перечислены выше. Но нельзя умолчать и о некоторых более общих ее недостатках. Сначала следует коснуться методики работы Кофанова с источниками. Может вызвать некоторые вопросы его подход к интерпретации данных литературной традиции, относящихся к событиям VII–V вв. до н.э. В большинстве случаев автор безоговорочно доверяет сообщениям античных писателей. Кофанов не упоминает о проблеме достоверности наших сведений об истории царского и раннереспубликанского Рима и не ссылается на исследователей, которые выступают за более критическое отношение к имеющейся традиции. Для того чтобы понять отношение Кофанова к вопросу о надежности источников по раннему римскому праву, приходится обращаться к его предшествующей монографии, ибо в рецензируемой книге автор не дает систематического обзора источников и историографии. Однако и в книге 2006 г. Кофанов более или менее подробно обсуждает лишь достоверность традиции о так называемых царских законах и Законах XII таблиц. Давая характеристику сведений по социальной и политической истории раннего Рима, содержащихся у Тита Ливия и Дионисия Галикарнасского, он не приводит ни одного весомого аргумента в пользу того, почему мы должны считать их правдиво отражающими историческую действительность²⁹. Хотя, например, сам Ромул для Кофанова — «полулегендарный» персонаж, его мероприятия от этого не перестают быть вполне историчными (с. 449). Как безусловно исторические Кофанов рассматривает и раннереспубликанские законы, упомянутые в источниках (например: *lex Valeria de provocacione*³⁰; *lex Aternia Tarpeia* 454 г. до н.э. — с. 351–352; *lex Valeria Horatia* 449 г. до н.э. — с. 318 и т.д.), не поясняя, каким образом традиция сохранила достоверную информацию о них.

Кроме того, в своих построениях Кофанов нередко достаточно своеобразно толкует свидетельства источников. Вот лишь несколько выбранных наугад примеров. На с. 472 автор пишет:

²⁵ При этом Кофанов называет *lex Calpurnia de legis actione* «законом Кальпурния о зерновой кондикции» (для чего указание Гая не дает ни малейших оснований) и датирует его 149 г. до н.э., что очень спорно и, в любом случае, нуждается в гораздо более серьезной аргументации.

²⁶ Об этой процедуре см. *Gai. Inst. IV. 13–17*.

²⁷ См. *Richardson 1987, 5–7*.

²⁸ Например, *Richardson 1987; Betts, Marshall 2013, 49–51, 60*.

²⁹ *Kofanov 2006, 38–50*.

³⁰ У Кофанова этот закон датируется то 509 (с. 349), то 508 (с. 469) г. до н.э.

«Обычай напрямую спрашивать мнение приглашенных на досудебную сходку плебеев или народа их мнения (sic!) за или против обвиняемого был широко распространен в Риме и в случае одобрения народа выражался (sic!) рукоплесканием, а в случае его негодования — свистанием». Дается ссылка на *Cic. Sest.* 115. Однако Цицерон здесь не упоминает, что собравшихся на сходку спрашивают об их мнении: он говорит исключительно о том, как публика может реагировать на речь оратора³¹. Далее: «Сам Цицерон считает этот обычай неудачным заимствованием у греков, хотя в деле Клодия об изгнании самого Цицерона трудно рассчитывать на объективность последнего» (со ссылкой на *Cic. Sest.* 126). Цицерон снова говорит о другом: враждебный ему претор Ап. Клавдий Пульхр имел обыкновение «по обычаю гречишек» (*Graeculogium instituto*) задавать вопросы участникам народных сходок, в то время как ни отец, ни дед, ни другие предки Пульхры такого никогда не делали. Не до конца ясно, о каком «обычае» и даже о каком «заимствовании у греков» здесь может идти речь: Цицерон рассказывает лишь о действиях одного конкретного претора, которые явно противоречили римской традиции, что оратор и ставит ему в вину. Во второй «Веррине» (II. 5. 36) Цицерон, говоря о своем избрании курульным эдилом, перечисляет свои будущие многочисленные обязанности в этой должности и заключает: «За эти труды и тревоги мне дана и награда: преимущество при голосовании в сенате, тога-претекста, курульное кресло, право оставить свое изображение потомству на память» (пер. В.О. Горенштейна). Может показаться очевидным, что о «награде» оратор говорит исключительно в метафорическом смысле (на что указывает сам выбор слова — *fructus*, а не, например, *praemium*), так как все эти преимущества предоставлялись любому лицу, избранному в курульные магистраты. Однако Кофанов из этого высказывания делает вывод о том, что «право масок даже в I в. до н.э. не приобреталось автоматически, но присуждалось сенатом и народом как награда наряду с правом ношения тоги-претексты, пользования курульным креслом и т.п.» (с. 64).

Еще более показательна неортодоксальная интерпретация Кофановым фрагмента из Плутарха (*C. Gracch.* 5): «Гай присоединил к 300 сенаторам такое же число всадников, с тем чтобы судебные дела находились в общем ведении этих 600 человек. Сообщают, что, внося это предложение, Гай и вообще выказал особую страсть и пыл, и, между прочим, в то время как до него все выступающие перед народом становились лицом к сенату и так называемому комитио, впервые тогда повернулся к форуму. Он взял себе это за правило и в дальнейшем и легким поворотом туловища сделал перемену огромной важности — превратил, до известной степени, государственный строй из аристократического в демократический, внушая, что ораторы должны обращаться с речью к народу, а не к сенату» (пер. С.П. Маркиша). На основании этого сообщения Кофанов приходит к интересному, но несколько удивительному выводу: «после принятия [гракханского закона *de heretundis*] судебные (sic!) ораторы стали обращаться со своими речами не к сенату (sic!), а к народу» (с. 480). По моему мнению, Плутарх здесь говорит все-таки о том, что Г. Гракх, стоя на рострах во время своих выступлений на *contiones*, поворачивался лицом к Форуму, а не к Комицию и расположенной за ним Гостилиевой курии, как это было принято до него. Следует особо отметить, что все эти трактовки свидетельств источников непосредственно влияют на аргументацию автора.

К сожалению, в книге также содержится большое количество фактических ошибок. Например, процесс Т. Анния Милона *de ui* автор датирует то 52 (правильно; с. 360), то 50 г. (ошибочно; с. 462) до н.э. В прим. 195 Кофанов заявляет, что в 122 г. до н.э. по закону Кальпурния (sic!) Гракха судей для суда рекуператоров (sic!) стали выбирать только из числа всадников. Процесс Верреса Кофанов датирует то 71 (неверно; с. 457), то 70 (верно; с. 549) г. до н.э. На с. 462 Кофанов упоминает «судебный казус 90 г. до н.э., когда плебейского трибуна Гая Куриона также покинула вся народная сходка, включая его собственных адвокатов». Цицерон (*Brut.* 305) — единственный античный автор, сообщающий об этом эпизоде — пишет только, что *C. Curio... erat semel a contione uniuersa relictus* (ср. *Brut.* 192), не упоминая ни судебного процесса, ни адвокатов.

Во многих случаях Кофанов дает собственные переводы цитат из античных источников, что, разумеется, можно только приветствовать, но порой они не в лучшую сторону отличают-

³¹ «Проявление чувств в комициях и на народных сходках бывает иногда искренним, а порой лживым и продажным... Для того, кто придает значение ничтожнейшим вещам, кто считается с молвой и, как они сами говорят, зависит от благоволения народа и руководствуется им, рукоплескания, разумеется, означают бессмертие, а свист — смерть» (пер. В.О. Горенштейна).

ся от уже существующих русских переводов. Выше мы видели некоторые примеры, приведу еще лишь один. Декрет наместника Дальней Испании претора Л. Эмилия Павла, изданный в 189 г. до н.э., Кофанов перевел так: «Л. Эмилий, сын Луция, император, постановил, чтобы рабы Гастенсов, что проживают в Ласкутанской башне, были свободны; землей и крепостью, которыми они владели в эти времена, он приказывает им владеть и распоряжаться, пока народ и сенат римский этого желает. Совершено в лагерях за 12 дней до февральских календ»³². Оставим в стороне, что форма множественного числа *castra* в данном случае означает просто «лагерь», а *astum* в подобном рода документах переводится как «издано» или «дано»³³. Однако без обращения к оригиналу трудно догадаться, что загадочные «Гастенсы» — это жители испанского города Аста (*Nasta*).

Русский язык Кофанова очень своеобразен и даже может быть не всегда понятен для неподготовленного читателя. В качестве примеров можно привести такие выражения автора: «закон “долго сохранял свою силу” и его действие, возможно, остав[а]лось в силе вплоть до конца республики» (с. 352); «опыт плебейского трибуната прошли и многие другие юристы» (с. 401); «их деятельность оплачивалась не государством, а выплатой части штрафа» (с. 482) и т.п.

Впрочем, упомянутые выше, пусть и довольно многочисленные, несовершенства не должны испортить общего впечатления от книги. В этой связи хотелось бы вспомнить похвальную привычку Плиния Старшего (*Plin. Epist. III. 5. 10*): *nihil enim legit quod non exciperet; dicere etiam solebat nullum esse librum tam malum ut non aliqua parte prodesset*. Подкупает прежде всего научная дерзость Кофанова, нетривиальность многих его рассуждений и выводов. Рецензируемая книга не оставляет читателя равнодушным, побуждает к дискуссии с автором, будит мысль, и в этом, наверное, и состоит ее главное достоинство.

Литература / References

- Berger, A. 1925: *Lex Iulia de pecuniis repetundis*. In: *RE*. Bd. XII, 2389–2392.
- Betts, I., Marshall, B.A. 2013: The lex Calpurnia of 149 BC. *Antichthon* 47, 39–60.
- Crawford, M. (ed.) 1996. *Roman Statutes*. Vol. I. London.
- Elster, M. 2020: *Die Gesetze der späten römischen Republik: Von den Gracchen bis Sulla (133–80 v. Chr.)*. Göttingen.
- Ernout, A., Meillet, A. 2001: *Dictionnaire étymologique de la langue latine*. 4e ed. Paris.
- Frier, B.W. 1985: *The Rise of the Roman Jurists: Studies in Cicero's pro Caecina*. Princeton.
- Kofanov, L.L. 2006: [*Lex and Ius: The Beginning and Development of the Roman Law from the Eighth to Third Centuries B. C.*]. Moscow.
- Кофанов, Л.Л. *Lex et ius: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н.э.* М.
- Kofanov, L.L. 2007: [Roman *Civitas* and municipal law of the Republican epoch]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 101–119.
- Кофанов, Л.Л. Римская *civitas* и муниципальное право эпохи Республики. *ВДИ* 3, 101–119.
- Kofanov, L.L. 2008a: [On categories of the Roman law in Justinian's Digest and on their modern interpretation by D.O. Tuzov]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [*Journal of Russian Law*] 5, 126–136.
- Кофанов, Л.Л. К вопросу о категориях римского права в Дигестах Юстиниана и в их современной интерпретации Д.О. Тузовым. *Журнал российского права* 5, 126–136.
- Kofanov, L.L. 2008b: [Public *Servitutes* in the Roman Republic]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 55–68.
- Кофанов, Л.Л. Публичные сервитуты в Римской республике. *ВДИ* 4, 55–68.

³² *CIL* I². 614 = *CIL* II. 5041 = *ILS*15 = *ILLPP* 514: L. Aimilius L. f. inpeirator decreiuit, uti quei Hastensium seruei in turri Lascutana habitarent, leiberei essent; agrum oppidumqu., quod ea tempestate posedisent, item possidere habereque iuosit, dum poplus senatusque Romanus uellet. *Act(um)* in caestris a.d. XII K. Febr.

³³ Ср. с переводом этой надписи в хрестоматии Utchenko 1962, 197: «Луций Эмилий сын Луция, император, предписал, чтобы те рабы жителей Асты, которые проживают в крепости Ласкутане, были свободны. Он приказал, чтобы они владели той землей и городом, которые принадлежат им сейчас, до тех пор, пока это будет угодно римскому народу и сенату. Издан [этот приказ] в лагере за 12 дней до календ февраля».

- Kofanov, L.L. 2015: [*Leges repetundarum* and *Furtum Publicum* in public corn trade of Republican Rome]. *IVS ANTIQVVM / Древнее право [IVS ANTIQVVM / Ancient Law]* 31/1, 140–151.
 Кофанов, Л.Л. *Leges repetundarum* и публичная кража в государственной торговле хлебом республиканского Рима. *IVS ANTIQVVM / Древнее право* 31/1, 140–151.
- Kofanov, L.L. 2017: [*Actiones populares* between private and public trial in the Roman Republic]. *IVS ANTIQVVM / Древнее право [IVS ANTIQVVM / Ancient Law]* 35/1, 59–81.
 Кофанов, Л.Л. *Actiones populares* между частным и публичным судебным процессом в Римской республике. *IVS ANTIQVVM / Древнее право* 35/1, 59–81.
- Lintott, A.W. 1992: *Judicial Reform and Land Reform in the Roman Republic*. Cambridge.
- Magen, R.-P. 1985: *Staatsrecht: Eine Einführung*. 7. Aufl. Berlin–Heidelberg.
- Mommsen, T. 1887. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. 3. Aufl. Leipzig.
- Pavlov, A.A. (ed.) 2012: [Paulus Diaconus. *Epitome Sexti Pompei Festi De verborum significatu*. Selected glosses]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 219–268.
 Павлов, А.А. (пер., комм.). Павел Диакон. Эпитама сочинения Секста Помпея Феста «О значении слов». Избранные глоссы. *ВДИ* 2, 219–268.
- Richardson, J.S. 1987: The purpose of the *lex Calpurnia de repetundis*. *Journal of Roman Studies* 77, 1–12.
- Savagner, A. 1846 (ed.): *Sextus Pompeius Festus. De la signification des mots*. Paris.
- Smith, C.J. 2006: *The Roman Clan: The Gens from Ancient Ideology to Modern Anthropology*. Cambridge.
- Smyshlyaev, A.L. 2014: [Once more on *responsa* of Roman jurists and *disputatio fori*]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 110–129.
 Смышляев, А.Л. Еще раз о *responsa* римских юристов и *disputatio fori*. *ВДИ* 4, 110–129.
- Smyshlyaev, A.L. 2016: [A commentary on L.L. Kofanov's paper "Once again about *disputatio fori* and *responsa prudentium*: in reply to A.L. Smyshlyaev" (VDI 2015. № 4)]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 76/2, 410–421.
 Смышляев, А.Л. Комментарий к статье Л.Л. Кофанова «Еще раз о *disputatio fori* и *responsa prudentium*: ответ А.Л. Смышляеву» (ВДИ 2015. № 4). *ВДИ* 76/2, 410–421.
- Utchenko, S.L. (ed.) 1962: [*History of Ancient Rome: A Reader*]. Moscow.
- Утченко, С.Л. (ред.). *Хрестоматия по истории Древнего Рима*. М.
- Venturini, C. 1979: *Studi sul 'crimen repetundarum' nell'età repubblicana*. Milano.
- Walde, A. 1938: *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I. 3. Aufl. Heidelberg.
- Zimmermann, R. 1996: *The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Tradition*. Oxford.

Vyacheslav K. Khrustalev,

Herzen State Pedagogical University
 Saint Petersburg, Russia
 Pskov State University
 Pskov, Russia

E-mail: vyacheslav2511@gmail.com
 ORCID: 0000-0002-3174-9028

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic
 Research project no. 19-09-00183

В.К. Хрусталёв,

к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории
 института истории и социальных наук
 Российского государственного педагогического
 университета им. А.И. Герцена
 Санкт-Петербург, Россия;
 научный сотрудник лаборатории
 «Центр комплексного изучения проблем
 региональной безопасности»

Псков, Россия